

RU

Культ горы Цукуба: специфика обряда и древняя японская поэзия

Садокова А. Р.

Аннотация. Цель исследования – опираясь на широкий мифолого-поэтический материал, определить, насколько глубоко и каким именно образом древняя японская поэзия отразила традиционные представления о культе плодородия, и не происходило ли последовательное поэтическое переосмысление этого культа. Научная новизна заключается в целостном изучении генезиса продуцирующего культа горы Цукуба, как примера – обряда «утагаки», его отражения в древней поэзии антологии «Ман'ёсю» и трансформации восприятия этого культа в древней японской лирике. Впервые в научный оборот вводятся новые описания эпизодов древнего ритуала и все разрозненные сведения об этом обряде из разных древних источников собраны в единую систему. В статье обряд рассматривается в контексте древнего песенного творчества, отразившего принятые в обществе того времени моральные и нравственные законы. На конкретных поэтических примерах демонстрируется первоначальный приоритет идеи плодородия и показывается, как постепенно эти идеи стали сочетаться с эстетическими воззрениями. В результате отмечается, что древний обряд плодородия, который был зафиксирован в ряде текстов VIII в. как бытующий, в поэтической традиции постепенно приобрел новые черты, не отражающие суть обряда. Сам обряд и место его проведения постепенно стали превращаться в поэтический объект романтической любви, что может свидетельствовать о переосмыслении культа горы Цукуба, связанной с этим обрядом.

EN

Mount Tsukuba cult: Specifics of the ritual and ancient Japanese poetry

Sadokova A. R.

Abstract. The study aims to utilize a broad mythological-poetic material to determine the depth and specific manner in which ancient Japanese poetry reflected traditional beliefs about the fertility cult and whether there was a gradual poetic reinterpretation of this cult. The scientific novelty lies in a comprehensive examination of the genesis of the Mount Tsukuba cult, exemplified by the “utagaki” ritual, its reflection in the ancient poetry of the “Man'yōshū” anthology and the transformation of the perception of this cult in ancient Japanese lyrical poetry. For the first time, new descriptions of episodes from the ancient ritual are introduced into scholarly discourse and all fragmented information about this ritual from various ancient sources is compiled into a unified system. The paper explores the ritual within the context of ancient lyrical works that reflected the societal moral and ethical codes of that time. Through specific poetic examples, the original primacy of the fertility idea is demonstrated, illustrating how such ideas gradually intertwined with aesthetic views. The study notes that the ancient fertility ritual, documented in texts from the 8th century as a common practice, gradually acquired new characteristics in the poetic tradition that did not reflect the essence of the ritual. The ritual itself and its place of enactment gradually transformed into a poetic object of romantic love, indicating a reinterpretation of the Mount Tsukuba cult associated with this ritual.

Введение

В культуре Японии всегда особое значение придавалось рельефным особенностям территории страны, две трети которой составляют горы. Неслучайно поэтому, несмотря на огромное разнообразие рельефных форм, именно горы издавна почитались как место обитания богов, наделялись особой значимостью, были местом силы и объектом притяжения. Культ гор изначально был связан с исконной японской религией синто, но с проникновением в VI в. буддизма получил новые интерпретации и в буддийской японской культуре. Горы традиционно были местом любования природой и излюбленным поэтическим образом. Культ многих гор в Японии имеет историю в несколько веков и сохраняется до сих пор.

Обряды и праздники, связанные с горами, являются неотъемлемой частью современной японской культуры, которая и сегодня в целом прочно опирается на древние мифологические корни и широко использует

любое старинное упоминание о горах в древних источниках как важное для современности свидетельство, в том числе сложенные в древности песни, посвященные той или иной горе. Однако в последнее время стали появляться новые «прочтения» старых культов, которые искажают древние представления. Это касается и такой важной ментальной составляющей японцев, как культ гор. Именно поэтому сбор и систематизация древнего поэтического материала, свидетельствующего об исконных мотивах древних обрядов и культов, видится актуальным и своевременным.

Предметом анализа в статье становится поэтическое восприятие в древних японских текстах известного еще со времен древности культа горы Цукуба. Эта гора, расположенная сравнительно недалеко от Токио, не только продолжает оставаться важным объектом религиозного поклонения, но и является общепризнанным в Японии местом силы.

Материалом для анализа послужили первые японские письменные памятники, которые датируются первой половиной VIII в. Это древние географо-этнографические и мифологические своды, а также поэтическая антология «Манъёсю»:

- Древние фудоки (Хитати, Харима, Бунго, Хидзэн) / пер., предисл. и коммент. К. А. Попова. М.: Наука, 1969;
- Кодзики – Записи о деяниях древности. Свиток 2-й и 3-й / пер., предисл. и коммент. Л. М. Ермаковой, А. Н. Мещерякова. СПб.: ШАР, 1994;
- Нихон сёки – Анналы Японии: в 2-х т. / пер. и коммент. Л. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1997. Т. 1. Свитки I-XVI;
- Манъёсю («Собрание мириад листов»): в 3-х т. / пер. с яп., предисл., коммент. А. Е. Глускиной. М.: Наука, 1971-1972. Т. 1-2.

Важные материалы в свете данной проблематики содержатся и в раннесредневековой антологии «Кокинсю»: Поэтическая антология «Кокинсю» / пер. со старояп., исслед. и коммент. И. А. Борониной. М.: ИМЛИ РАН, 2005.

Цель исследования обусловила постановку конкретных задач, которые состоят в следующем: рассмотреть специфику культа горы Цукуба и обозначить место этого культа в древней японской культуре; проанализировать песни антологии «Манъёсю», посвященные горе Цукуба, выявить основные мотивы; провести параллели между тематикой древних песен и содержанием обряда горы Цукуба.

При написании статьи применялись следующие методы исследования: сравнительный метод, нацеленный на обнаружение сходных черт непосредственно культа горы и его поэтического воплощения; метод обобщающего анализа, позволяющий на основе избранного материала провести параллели между японскими поэтическими произведениями, мифологическим материалом и древним культом плодородия; контекстуальный метод, учитывающий различные контексты функционирования идеи плодородия в обряде и в поэзии.

Теоретической базой послужили комментарии к переводам первых письменных памятников Японии, представляющие собой самостоятельную научную ценность (Попов, 1969; Глускина, 1971; 井坂 敦実, 2021; 三橋 健, 2020; 2023). Важными представляются работы японских исследователей, которые рассматривали разные аспекты истории становления культа горы Цукуба и его отражение в древней японской поэзии (岡部 隆志, 真下 厚, 手塚 恵子, 2012; 宮本 千代子, 2012), а также мифологические аспекты этого культа (西海 賢二, 2012; 瓜生 中, 2020).

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы для написания научных работ по японской филологии и культуре, а также при подготовке лекционных курсов по мифологии, фольклору и литературе Японии.

Обсуждение и результаты

Одной из особенностей древней японской поэзии, известной по антологии «Манъёсю» (VIII в.), можно считать упоминание в ней огромного количества географических названий. Причин этому было несколько. Во-первых, многие песни антологии были сложены чиновниками, которые отправлялись по делам в разные провинции и, следуя эстетическим нормам того времени, слагали песни об увиденном. Тогда географические названия служили своего рода доказательством их пребывания в тех или иных местах. Во-вторых, случалось так, что не всегда поэты, посвящающие стихотворения знаменитому своей красотой месту, сами бывали там и могли воочию увидеть то, о чем так восхищенно писали. Бывало так, что высокопоставленная особа, по приказу которой это стихотворение было сложено, там была, но сам поэт мог сложить стихотворение, основываясь лишь на эмоциях и впечатлениях этой особы, а также на информации, которая была общеизвестна. То есть не всегда можно быть уверенным, что поэт сложил свое полное восхищения или иных эмоций стихотворение, непосредственно пребывая на месте, например, во время своего личного путешествия или проезжая по этим местам в свите государя.

При этом среди большого количества упоминаемых топонимов наибольшее восхищение у поэтов древности вызывали всего около трех десятков реальных географических мест, не все из которых прославились необыкновенной красотой. Более того, уже в Средние века, ко времени создания антологии «Кокинсю» (905 г.), приоритеты явно изменились (Поэтическая антология..., 2005). Многие из значимых географических объектов древности потеряли, по всей видимости, свою привлекательность, хотя некоторые, такие как, например, горы Ёсино, река Тацута или поля Касуга, продолжали восхищать поэтов и в Средние века. Не исключено, что это свидетельствует об общих тенденциях раннесредневековой поэзии: в древней поэзии антологии «Манъёсю» явно просматривались народные мотивы, были очевидны отсылки к народным песням, древним обычаям и обрядам, а средневековая поэзия стремилась полностью отказаться от мотивов и образов народной поэзии. Отсюда и потеря интереса к тем географическим реалиям, которые ассоциировались у поэтов Средневековья с древними обрядами и играми.

В этой связи интерес представляет такой географический объект, как гора Цукуба (совр. преф. Ибараки), которая и сегодня считается священной. На горе находится известный синтоистский храм Цукуба-дзиндзя, и тысячи паломников и туристов приходят туда в любое время года. Будучи воспетой в «Манъёсю» в двадцати пяти песнях, эта гора даже не упоминается в более поздних антологиях. И причина, как представляется, именно в большой «народности» культа этой горы, его значимости для периода древности, когда и создавались первые японские письменные памятники.

Первое сюжетное упоминание горы Цукуба содержится в географо-этнографическом своде провинции Хитати – «Хитати-фудоки», созданном между 717 г. и 724 г. Там помещен фольклорно-мифологический эпизод о ее противопоставлении главной горе Японии – горе Фудзи. Этот эпизод всегда считался в Японии весьма значимым, поскольку доказывал особое расположение богов к горе Цукуба.

Рассказывалось, как бог-прародитель отправился в землю Суруга, чтобы объехать горы – обиталище богов. Ночь застала его в пути, и он обратился в горе Фудзи с просьбой пустить его на ночлег. Но гора Фудзи, сославшись на праздник урожая, отказала ему. Тогда бог-прародитель отправился к горе Цукуба, и та, несмотря на праздник, пустила его переночевать. Бог-прародитель решил наказать гору Фудзи и отблагодарить гору Цукуба. Обращаясь к богу горы Фудзи, он произнес: «Пусть же гора, где ты живешь, будет безлюдной, пусть зимой и летом идет снег, садится иней и всегда будет холодно, пусть сюда не поднимаются люди и никто не приносит тебе пищи». А богу горы Цукуба он пожелал: «...чтобы люди, собравшись, веселились, чтобы еды и питья было много, чтобы веселье не прекращалось века и чтобы день ото дня всё процветало. Пусть всегда у вас будет радость» (перевод К. А. Попова) (Древние фудоки, 1969, с. 34).

Этими словами бога-прародителя японская мифология старалась объяснить реальное положение вещей: гора Фудзи, имеющая высоту 3776 м, почти круглый год покрыта снегом, и подняться на нее возможно только в июле – августе. Гора Цукуба значительно ниже, менее 1000 м, потому она снегом не покрывается, хотя подняться на нее также не очень просто.

Не исключено, что ключевым моментом этой истории было не столько объяснение, почему гора Фудзи наказана и теперь покрыта снегом, сколько стремление подчеркнуть особое божественное предназначение горы Цукуба. В пользу этого предположения говорит тот факт, что в достаточно многочисленных фольклорных и народных мифологических текстах о горе Фудзи тема ее холодности и неприступности не является определяющей. Все тексты строятся на мотиве соперничества других японских гор с Фудзи, их желании стать выше самой высокой горы Японии. На фоне упоминания большого числа гор, стремящихся стать выше и красивее Фудзи и по разным причинам вступающим с ней в соперничество, гора Цукуба могла бы остаться и незамеченной. Тем более что соперничество в древнем эпизоде не было вызвано собственным желанием горы Цукуба вступить в поединок с горой Фудзи. Значимость горы Цукуба была определена ее собственным культом, имеющим долгую историю, но с Фудзи (кроме упомянутого эпизода) никак не связанным.

Особый культ Цукуба сложился еще в древности. И упоминание о нем в связи с горой Фудзи в памятнике «Хитати-фудоки» еще в первой половине VIII в. свидетельствует о том, что к тому времени культ был повсеместно известен и процветал. Подтверждением этого является и то, что в поэтической антологии «Манъёсю» было помещено, как уже говорилось, двадцать пять песен, посвященных горе Цукуба, при этом во многих из них так или иначе упоминался культ Цукуба и обряды, связанные с ним. Так что пожелание бога в мифологическом своде, «чтобы люди, собравшись, веселились», имело конкретное и однозначное воплощение.

Дело в том, что еще в древности в этих местах, а также в других районах Японии получил распространение особый обряд (или его отголосок) группового брака, известный как *кагаи*. Сам по себе этот обряд, в основе которого лежала идея плодородия земли и принцип продуцирующей магии, не может считаться исключительно японским. Подобные обряды были широко известны в Китае, а также в странах Юго-Восточной Азии – на полуострове Индостан, на Филиппинах. Они имели прямое отношение к земледельческой культуре и первоначально получили распространение у народов, занимавшихся подсечно-огневым земледелием и заливным рисосеянием (曹咏梅, 2011, с. 137).

В Японии обряд проводился дважды в год, в значимые для урожая периоды земледельческого года. Весенний обряд ставил своей целью умиловить богов и попросить их способствовать богатому урожаю. Во время осеннего обряда стремились отблагодарить богов за богатый урожай и заручиться их поддержкой на следующий год.

Обряд состоял из двух частей. Вечером в назначенном месте, а таких объектов в Японии известно несколько, собирались молодые люди, девушки и парни, свободные или уже состоящие в браке. Они веселились, танцуя и распевая песни. Во время веселья образовывались любовные пары – чаще всего на одну ночь, но таким образом можно было найти себе пару и для более долгого знакомства и даже для создания семьи. Этот обряд плодородия предполагал добрачную свободу несемейных людей, а брачные узы семейных людей на время обряда теряли силу.

Подробные сведения о танцах и песнях этих любовных игрищ отсутствуют. Но некоторые детали сохранились в древних японских памятниках. Они явно свидетельствуют о том, что в начале-середине VIII в. архаический обряд или его более поздняя сохранившаяся версия имели широкое распространение во всех районах Японии. К этому времени уже появилось другое название обряда – *утагаки* (букв. «песенная изгородь»), что косвенно указывает на сценарий песенного действия. Вероятно, уже тогда предполагалось проведение некоего песенного состязания, песенной дуэли между соперниками, а также песен-диалогов между намечающейся любовной парой.

При этом надо отметить, что песенные состязания древности основывались на культе магии слова *котама-синко*. Предполагалось, что у исполняемой песни есть душа, магическая субстанция, которая и помогает

одержать победу в поединке. То есть тот, у кого магия слова-*котодама* оказывалась слабее, поступал в подчинение к человеку с более сильной *котодама*. Таким образом, умение слагать песню приравнивалось к божественному дару. Понятно, что мужская настойчивость и уверенность практически всегда оказывалась сильнее женской и понималась как проявление более сильной магической составляющей.

В дальнейшем состязания во время обряда *утагаки* привели к созданию «ответных песен», то есть женской песни и следовавшей сначала за ней мужской и, наоборот, сначала мужской, а затем женской как ответной. Такого рода двоянные песни в большом количестве были зафиксированы в антологии «Манъёсю». В период раннего Средневековья отголоски песенного сценария обряда *утагаки* привели к формированию такого культурного явления, как поэтические турниры (Мещеряков, 1992, с. 14-24; Боронина, 1998).

О том, как выглядели древние песенные состязания, можно судить, например, по эпизоду из третьего свитка мифологического свода «Кодзики» (1994, с. 712). В этом эпизоде рассказывается о том, что новый государь надумал взять в жены девушку и отправился на праздник *утагаки*, а другой человек, знатный чиновник и потомок древнего рода, взял эту девушку за руку, как бы тоже предъявляя свои права на нее. Далее следуют шесть песен, которыми поочередно обмениваются принц и чиновник. Они полны иносказаний: чиновник намекает на шаткое положение правящего рода и нерешительность принца, а принц почти открыто угрожает чиновнику. Позже станет известно, что чиновник был убит. Однако в свете нашей проблематики важно, что при описании этого песенного противостояния подчеркивается: «...вот такими песнями они состязались до рассвета, пока не разошлись» (Кодзики, 1994, с. 204-205).

Как уже отмечалось, обряд *кагаи* (*утагаки*) проводился во многих местах, но самым известным издавна считалась гора Цукуба. Выбор был неслучайным. Цукуба имеет две вершины – одну остроконечную, другую – более пологую. Издавна такие вершины было принято называть мужской и женской. Сегодня в Японии насчитывается более ста гор, двойные вершины которых имеют такие названия. В разных районах страны широко бытуют также местные топонимические предания, объясняющие происхождения этих локальных оронимов – названий гор. В большинстве случаев в основе сюжета лежит история о несчастной или неразделенной любви. Однако с горой Цукуба дело обстоит иначе.

Мужская вершина Дантай (Нантай) (871 м) и Женская вершина Дзётэй (Нётэй) (877 м) почитаются как воплощение богов-прародителей Японии – Идзанаги и Идзанами, которые в японской мифологии считаются одной из идеальных супружеских пар. Более того, именно эти боги в японской мифологии являются создателями всего рельефа на земле: горы, реки, поля – их дети. Ассоциация двух вершин с богами, связанными с продуцирующей магией и идеальными представлениями о супружестве, а также, вероятно, удобное расположение горы и наличие большой ровной площадки между вершинами привели к формированию особого культа горы Цукуба. Идеи плодородия нашли свое воплощение в массовых игрищах, проникнутых мыслями о любви, дарованной богами.

Значимость культа горы Цукуба была, вероятно, столь велика, что хотя для проведения подобных обрядов по всей стране было выбрано несколько мест, именно гора Цукуба была самой знаменитой, а в древней поэзии оказался описанным обряд именно на этой горе. Самыми показательными в этой связи являются две песни, в которых непосредственно упоминается древний обряд. Одна из них, «сложенная, когда царедворец Отомо поднялся на гору Цукуба» (№ 1753), принадлежит поэту Такахаси Мусимаро, который с 713 г. по 723 г. работал в управлении провинции Хитати и мог сопровождать знатных особ в путешествии. Более того, известно, что песни № 1738-1760 были взяты из его личного сборника (Глускина, 1971, с. 577-578).

В песне поется о том, что Мужская гора дала разрешение на веселье, а Женская гора была добра ко всем, кто пришел, потому, «развязав шнуры одежд, / Словно дома у себя, / Не стесняясь, / Всею душой, / Вольно веселились мы!» (здесь и далее песни из антологии «Манъёсю» приводятся в переводе А. Е. Глускиной по изданию (Манъёсю, 1971-1972, т. 2, с. 104)).

Другая песня (№ 1759) принадлежит неизвестному автору. Но во введении к песне есть пояснение, что она сложена при восхождении на гору Цукуба во время обряда *кагаи*. Это самое полное описание этого обряда в японской поэзии. Важно, что в песне нашли свое отражение нравственные установки-указания, при этом подчеркивалось, что во время обряда нельзя ревновать. Это означает, что магия плодородия считалась первостепенной, и ради столь высокой цели, как получение урожая, а значит, пропитания для всех, можно поступиться своими личными переживаниями:

На горе на Цукуба,
Где живут среди пиков орлы,
Среди горных отрогов,
Где струятся в горах родники, –
Зазывая друг друга,
Девы, юноши вновь собрались
У костров у зажженных,
Будут здесь хороводы водить,
И чужую жену буду я здесь сегодня любить,
А моею женою другой зато будет владеть.
Бог, что власть здесь имеет
И правит среди этих гор,

Дал на это согласие людям
Еще с незапамятных пор.
И сегодня одно про себя хорошо разумеи:

Упрекать ты не смеешь, и мучиться тоже не смей! (Манъёсю, 1971-1972, т. 2, с. 107-108).

Однако нельзя не заметить, что не все песни о горе Цукуба посвящены известному обряду. В ряде песен он даже не упоминается, а на первый план выходят совершенно иные темы. Во-первых, это тема непростого пути. Она характерна для японской древней и средневековой поэзии: поэт сетует на усталость после долгого пути, на непроходимость горных тропинок, печалится о далеких родных. Сама реальность способствовала созданию этой поэтической темы: передвижение по горной Японии всегда было делом непростым. Однако уже в древней поэзии наметилась тема награды за трудный путь. Это чудесный вид, который открывался в конце пути. Понятно, что наиболее ярко и эффектно этот прием срабатывал при описании восхождения на гору. Священная гора Цукуба не стала исключением.

Так, в антологию «Манъёсю» была помещена «Песня Тадзихи Кунихито, сложенная при восхождении на пик Цукуба» (№ 382). В этой песне слышится восторг, который испытал этот неизвестный чиновник, увидев гору Цукуба: «Там, где много певчих птиц, / В той восточной стороне / Много есть высоких гор, / Но среди них одна гора, / Всеми чтимая, стоит – / Это двух божеств гора. / Две вершины поднялись / У нее, красуясь, в ряд, / Ненаглядною горой / Называют все ее» (Манъёсю, 1971-1972, т. 1, с. 207). При этом свое стихотворение он заканчивает такими строками: «Горною тропой идя, / Где повсюду тает снег, / Тяжкий путь перенеся, / На вершины я взшел!» (Манъёсю, 1971-1972, т. 1, с. 207).

В следующей песне (№ 383), которая является ответной, неизвестный поэт вторит: «О пик Цукуба! Любо-ваться / Лишь издали тобою / Я не мог. / И, мучаясь в пути, где снег растаял, / Я все-таки поднялся на тебя!» (Манъёсю, 1971-1972, т. 1, с. 207).

Интересно, что в обеих песнях упоминается растаявший снег как препятствие на пути к вершине. Конечно, речь идет не о таком снежном покрове, который лежит, например, на горе Фудзи многие месяцы, а о свежавшем снеге или небольших сугробах, которые в южной стране и при весьма легкой экипировке того времени считались серьезным препятствием.

В антологии «Манъёсю» есть и другие песни, в которых при описании горы Цукуба использовался прием противопоставления: тяжелый подъем компенсировался прекрасным видом, который открывался с вершин горы. Для повествования о тяготах восхождения использовался весь набор принятых тогда сравнений и эпитетов: горькая тоска в пути, травы, служащие изголовьем, струящийся пот, попытка опереться на корни деревьев. А для описаний красоты открывшегося вида – самые «высокие» эпитеты древней японской поэзии: красные листья кленов и звенящие ручьи. Обобщением всех эмоций, возникавших в душе поэтов, могут стать заключительные строки «длинной песни» – *нагаута* неизвестного автора, которую предваряло такое введение: «Песня, сложенная при восхождении на гору Цукуба» (№ 1757): «И когда я посмотрел / С высоты Цукуба, здесь, / Вдаль на эту красоту, / Грусть, что мучила меня, / Что росла в душе моей / Много долгих дней в пути, – / Вмиг утихла и прошла!» (Манъёсю, 1971-1972, т. 2, с. 106).

Понятно, что восторг от красоты природы и пейзажей был характерен не только для стихотворений, связанных с горой Цукуба, но именно в стихотворениях, посвященных ей, он достиг своего поэтического откровения.

Другая тема, которая явно просматривается в стихотворениях, посвященных горе Цукуба, – это тема любви. Но это не тема свободной любви и обряда плодородия, а тема истинной влюбленности. В стихотворениях о горе Цукуба появилась эстетическая составляющая, и постепенно личные чувства и эмоции стали определяющими. Например, по-новому стал обыгрываться мотив двух вершин, которые раньше воспринимались только как боги. Теперь же поэты пытались сравнивать вершины с собой и своей возлюбленной, а значит, увидеть в них добрый знак и возможность соединиться со своей любимой. По-особенному стали читаться и местные топонимы.

Известно, что у подножья горы Цукуба течет река Миногава, название которой издавна было принято записывать иероглифами «мужчина» и «женщина». При этом ее верхний исток берет свое начало около Женской вершины, а нижний исток – около Мужской вершины. Под горой два потока сливаются и образуют реку Сакурагава. Шум воды двух потоков, который усиливался в результате гулко-го эха, на протяжении веков пора-жал людей: казалось, что это разговаривают возлюбленные. Существовало древнее поверье: если влюбленные не слышат шум воды, это значит, что их любовь проходит. Образ горы Цукуба как место «звука любви» встречается в антологии «Манъёсю» (№ 3392). Очевидно, что это отголоски народной поэзии, народных любовных песен-обетов, в которых возлюбленные обещали хранить свою любовь и верность:

Меж отвесных скал, среди Цукуба-гор,
Хоть и силен шум от падающих вод,
Исчезает в глубине вода,
А вот я свою любовь хранить
Буду вечно, милая моя! (Манъёсю, 1971-1972, т. 2, с. 512).

Поэтические тексты антологии «Манъёсю» свидетельствуют о том, что уже в VIII в. начало происходить переосмысление культа горы Цукуба. И хотя она еще долгое время оставалась местом проведения обряда плодородия *утагаки*, постепенно поэты все больше внимания стали уделять лирическому образу и вместо описания обряда все чаще обращались к повествованиям о красоте горы Цукуба.

Заключение

В результате проведенного исследования мы приходим к следующим выводам.

Кульг горы Цукуба сложился как земледельческий культ, связанный с верховными богами японского синтоистского пантеона. Гора воспринималась как пристанище богов-супругов Идзанаги и Идзанами, которые понимались как боги продуцирующей магии. Проводимый на горе обряд, хоть и был любовным, воспринимался прежде всего как обряд плодородия без рассмотрения чувств и эмоций как значимого элемента. В этом качестве он зафиксировался в первых японских письменных памятниках. Однако уже в антологии «Манъёсю» сохранилось немало песен, которые указывают на переосмысление восприятия горы Цукуба. Очевидно, что ко времени создания антологии гора Цукуба была не только местом поведения обряда, но и объектом любования, а также создавался ее чувственно-эмоциональный культ: древние представления о культе любви проецировались на реальные человеческие чувства.

Интересно, что этот процесс поступательно развивался на протяжении веков, о чем свидетельствует современное восприятие культа горы Цукуба. Первоначально к богам горы Цукуба обращались, прося даровать счастливую личную жизнь: помочь найти возлюбленного или укрепить семейные узы. Однако со временем функции богов в сознании людей расширились, и их стали просить о рождении и воспитании детей, о здоровье родителей, а теперь и о безопасности в пути, о финансовом благополучии, о продвижении по службе и даже об исполнении желаний. При этом главная функция – помощь в поисках любви и обретении семейного счастья – до сих пор считается основной. Именно с этой просьбой круглый год поднимаются на гору нынешние паломники и туристы. Хотя подняться на эту не самую высокую гору Японии совсем непросто. И в этом сегодня также видится важный смысл: на пути к счастью надо преодолеть препятствия.

Рамки данной статьи не позволяют проследить все этапы появления новых тенденций в истории культа горы Цукуба. Поэтому перспективы дальнейшего исследования видятся в углубленном изучении этих этапов, а также осмыслении современного состояния культа и понимании причин его устойчивости в нынешней Японии.

Источники | References

1. Боронина И. А. Утаавасэ. Поэтические турниры в средневековой Японии (IX-XIII вв.). М.: Гиперион, 1998.
2. Глускина А. Е. Комментарий // Манъёсю («Собрание мириад листов»): в 3-х т. / пер. с яп., предисл., комментарий. А. Е. Глускиной. М.: Наука, ГРВЛ, 1971. Т. 2.
3. Мещеряков А. Н. Японские поэтические турниры // Звезда Востока. 1992. № 6.
4. Попов К. А. Антропонимический комментарий // Древние фудоки (Хитати, Харима, Бунго, Хидзэн) / пер., предисл. и комментарий. К. А. Попова. М.: Наука, 1969.
5. 岡部 隆志, 真下 厚, 手塚 恵子. 歌の起源を探る 歌垣. 東京: 三弥井書店, 2012 (Акабэ Такаси, Масимо Ацуси, Тэдзука Кэйко. В поисках истоков песни Утагаки. Токио: Миёи сётэн, 2012).
6. 井坂 敦実. 万葉集の筑波山. 石岡: 結エディット, 2021 (Иисака Ацуми. Гора Цукуба в «Манъёсю». Исиока: Юи эдитто, 2021).
7. 宮本 千代子. 万葉集にいきる筑波山. 東京: 常陽新聞社, 2012 (Минамото Тиёко. Гора Цукуба, /продолжающая/ жить в «Манъёсю». Токио: Дзёё симбун синся сьуппан кёку, 2012).
8. 三橋健. 日本書紀に秘められた古社寺の謎. 東京: ウェッジ, 2020 (Михаси Такэси. Загадки старых синтоистских и буддийских храмов, запечатленных в «Нихон сёки». Токио: Уэдзи, 2020).
9. 三橋健. 古事記に秘められた聖地・神社の謎. 東京: ウェッジ, 2023 (Михаси Такэси. Загадки святых мест и синтоистских храмов, запечатленных в «Кодзики». Токио: Уэдзи, 2023).
10. 西海 賢二. 筑波山と山岳信仰—講集団の成立と展開. 東京: ふるさと文庫, 2012 (Нисигаи Кэндзи. Гора Цукуба и культ гор. Становление и развитие сообществ. Токио: Фурусато бунко, 2012).
11. 曹 咏梅. 歌垣と東アジアの古代歌謡. 東京: 笠間書院, 2011 (Со Эйбай. Обряд утагаки и древние народные песни Восточной Азии. Токио: Касама сёин, 2011).
12. 瓜生 中. よくわかる山岳信仰. 東京: 角川ソフィア文庫, 2020 (Ураю Нака. Культ гор, который несложно понять. Токио: Кадокава софия бунко, 2020).

Информация об авторах | Author information

Садокова Анастасия Рюриковна¹, д. филол. н., проф.
¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Sadokova Anatsiya Rurikovna¹, Dr
¹ Moscow Lomonosov State University

¹ sadokova@list.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 06.01.2024; опубликовано online (published online): 25.03.2024.

Ключевые слова (keywords): гора Цукуба; обряд плодородия «утагаки»; брачные игрища; древняя японская поэзия; антология «Манъёсю»; Mount Tsukuba; fertility ritual “utagaki”; bridal games; ancient Japanese poetry; anthology “Man'yōshū”.